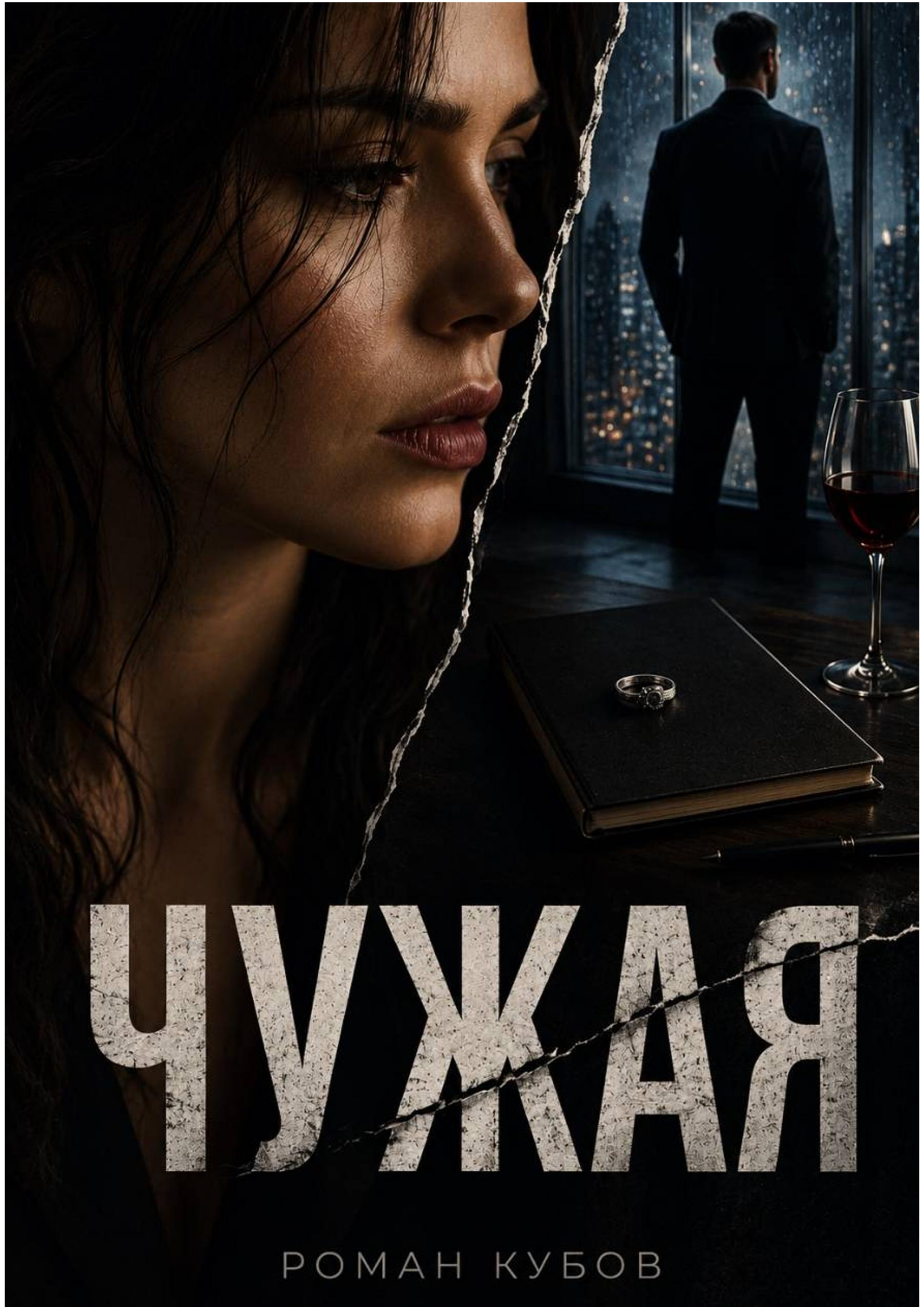

ЧУЖАЯ

РОМАН КУБОВ

Роман Кубов

Чужая

«Автор»

2026

Кубов Р.

Чужая / Р. Кубов — «Автор», 2026

Ты уже не твоя. Но ты ещё не своя. Однажды вечером телефон жены лёг на столе сам. Экраном вверх. «Я уже дома. Ты мой». Так начинается настоящая история. Не про измену. Про то, как женщина, которая девять лет строила свою жизнь кирпичик за кирпичиком, наконец поднимает взгляд и видит: вся её «семья» — это не стены, а трещины. Сначала она плачет. Потом пишет правила. Потом забирает всё — не потому что мстит, а потому что выбирает себя. Девять лет. Один телефон. Один дом. Одна женщина. И когда в конце она ставит кольцо на палец человека, который не купил её, а заплатил за то, чтобы она наконец перестала быть «чужой» — ты понимаешь: вот она, настоящая сила. Не громкая. Не красивая. А тихая, точная и непобедимая. Если ты когда-нибудь чувствовал, что тебя используют как фон в собственной жизни — эта книга станет твоей первой стеной.

© Кубов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Ночь	5
Глава 1. До	8
Глава 2. Трещины	13
Глава 3. Факт	17
Глава 4. Цифры	20
Г	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Чужая

Пролог. Ночь

Дождь начался ровно в половине одиннадцатого, и Алиса Ветрова, стоявшая в ванной у раковины, услышала его первой. Капли по стеклу, потом шорох по козырьку, потом ровное шуршание по асфальту во дворе. Петербург мыл свои окна, как делал каждую ночь июля, и, кажется, знал об этом только он, дождь, и Алиса, которой теперь, как выяснилось, больше не спалось.

Телефон мужа лежал на кухне.

Павел уехал в командировку ещё вчера вечером — срочное совещание, Москва, три дня. Алиса проводила его у лифта, поцеловала в макушку и сказала, как обычно: «Позвони, как приземлишься». Он улыбнулся, обнял, пошлёпал по плечу — так, как обнимают человека, которого считают своим, и в эту секунду Алиса ещё была своей. Она по-прежнему не знала, что ещё до утра следующего дня она перестанет быть чьей-то женой. Не потому что кто-то её лишит этого звания. Просто сама снимет кольцо.

Но это потом. Сейчас, в половине одиннадцатого, на кухне лежал чёрный телефон на столе, экраном вниз.

Алиса не собиралась его трогать. Она честно к этому шла: открыла дверцу шкафа за зарядным кабелем, взяла кабель, прошла по коридору. Телефон лежал экраном вниз. Рядом — ключи, бумажник, на столе стакан с недопитым кофе. Она поставила на стол пустую чашку, наклонилась за салфеткой, и в этот момент телефон лёг сам. Не упал — лёг. Экраном вверх. Так иногда делают вещи, когда ждут, пока на них посмотрят.

Экран сам не загасал. Ночной режим, свет приглушён, и на чёрном фоне светился одно сообщение. Не от «работы». От «К.». Алиса посмотрела на букву. К.

Кристина. Двенадцатилетняя, нет — семнадцатилетняя, нет — та самая, с которой они в шестом классе делили один расчётный листок по алгебре и одну смену дежурства в библиотеке. Та самая, которая была на их свадьбе и плакала так, что пришлось уводить. Та самая, с которой каждое утро два кофе, два круассана и одна шутка про жизнь, которую они, как договаривались, проживут хорошо.

Сообщение было коротким. Алиса перечитала его три раза, потому что на втором разе слова перестали складываться в предложение, а на третьем — в смысл: «Я уже дома. Ты мой. Домой сегодня не езжай, буду ждать. Люблю.» Внизу, мелким, — время. 23:47. Восемь минут назад. Дождь за окном сделался сильнее. Алиса стояла в коридоре, держа в руке чужой телефон, и с удивлением обнаруживала, что сердце у неё бьётся ровно. Так бьётся сердце, когда человек замер: не от страха, а потому что тело ещё не решило, что с этим делать.

Она прошла на кухню. Включила верхний свет. Телефон лежал на столе, как лежал. Экран так и не погас — Павла всегда отключали не беспокоить только после полуночи, и до этого сообщения телефон лежал экраном вверх, просто она впервые за вечер на него посмотрела.

Алиса открыла переписку.

Она не искала. Она просматривала — медленно, от последнего к первому, как просматривают отчёт, с которым не хочется иметь дело. Дата за датой. Месяц за месяцем. Три года. Она считала не потому, что хотела убедиться — она считала потому, что цифры не лгут, а всё остальное в последние три дня врало ей наотрез.

Пятница. Суббота. Четверг. Каждый раз одно и то же: «Ты мой», буду ждать, не приезжай. Отель. Она узнала название по квитанции, которая торчала из кошелька, когда она в марте

перекладывала вещи: «Невский дворик», номер с видом на канал, две ночи — «командировка» в город, куда он, по собственным словам, уехал «на день, в гости к партнёрам».

Алиса закрыла переписку.

Она не плакала. Она не кричала. Она не разбила ничего — ни телефон, ни зеркало, ни семь лет, которые они с Павлом прожили под одной крышей и которые сейчас, как она вдруг поняла, были не семью, а хорошей репетицией: семь лет он репетировал жизнь с ней, чтобы в среду играть её с точностью до поцелуя в макушку у лифта.

Алиса прошла в ванную. Открыла кран на полную, холодную, и держала под водой запястья, ладони, кончики пальцев — до тех пор, пока ледяная вода не дошла до того места за грудиной, где в неё только что въехал чужой гвоздь. Дыхание выровнялось. В зеркале на неё смотрела женщина лет тридцати четырёх с мокрыми руками и абсолютно сухими глазами.

Алиса улыбнулась ей.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Работаем.

Ванная была тихая. Вода капала с рук в раковину — по капле, как метроном. Она смотрела на капли. И считала. Не нервно. Не для спокойствия. Считала — как считают, когда хотят вернуть себе. Когда «возвращаешь себе» — мир перестаёт быть их миром. Когда «возвращаешь себе» — ночь перестаёт быть их ночью. Когда «возвращаешь себе» — даже дождь начинает быть твоим.

На полке над раковиной стояла не книжка, не крем, не что-то из того, что женщины держат в ванной. Там лежала тетрадь в клетку, синяя, пожелтевшая от времени. Тетрадь бабушки Веры Петровны, архитектора, которая двадцать три года проектировала школы и больницы и которая оставила Алисе две вещи: дом у Гатчины и эту тетрадь, в которой на полях, между расчётами и чертежами, стояли «Правила».

Алиса достала её, открыла на первой странице. Бабушкин почерк — ровный, как линейка: «Правило 1. Не принимай решений на больном месте. Боль — плохой архитектор: всё, что он строит, криво.» Алиса дочитала и перевернула страницу. «Правило 2. Решение — это не эмоция. Решение — это план.» Под планом. Она встала.

В спальне, на комоде, лежал блокнот. Маленький, чёрный, который Алиса вела всегда: цифры, встречи, «купить билеты», «позвонить маме в день рождения». Она села на край кровати, открыла блокнот на чистой странице и, глядя на мокрое окно, написала четыре строки. Чётко, по одной, с интервалом:

«1. Никому не говорить. Ни одной сцены. Ни одной слезы. Это не гордость — это тактика.» «2. Документы. Все. Три года. Цифры.» «3. Адвокат. Только деловой. Только без эмоций.» «4. Деньги. Мои. Не его. Не наши.»

Она смотрела на список. Дождь. Петербург. Где-то в этом городе — не в Москве, куда он, по его словам, улетел, а здесь, в десяти минутах езды, — сейчас был её муж. А её подруга — в квартире на Петроградке, в которой, как выяснилось, не было для него места, — тоже уже спала, и, вероятно, ей, Алисе Ветровой, было положено разбудить весь дом, расцарапать кому-нибудь лицо, разбить чью-то жизнь. Так делают в книгах. Так, наверное, делали другие на её месте.

Алиса закрыла блокнот и достала из ящика комода шкатулку. В шкатулке лежало одно кольцо — её обручальное, простое, золотое, с одним камнем, которое она носила семь лет и которое за эти семь лет ни разу не сняла даже в бане. Она сняла его с пальца. Палец под кольцом был тоньше, чем она помнила. Семь лет — это оказывается много: палец помнит.

Кольцо легло в тетрадь бабушки, между страницей с чертежом школы и страницей с Правилом 3. Алиса захлопнула тетрадь. Тетрадь захлопнулась тихо. Как будто поняла. Как будто ждала этой ночи: синяя тетрадь, карандаш, женская ладонь — три вещи, которые вместе, как части механизма. Бабушка говорила: «Алёнка, когда тебе понадобится дом — приходи ко мне. А если меня не будет — будет тетрадь».

Тетрадь была. За окном дождь не утихал, а Петербург спал, как спят города, которые не знают, что одна из её жительниц только что перестала существовать — ту, прежнюю, ту, которая верила, что семья — это стены, и что если стены крепкие, всё остальное приложится. Новая Алиса легла на кровать, повернулась к окну и уснула быстро, без снов.

Завтра был обычный день. Завтра — работа, кофе с Кристиной, улыбка, звонки, «всё хорошо, Паша, у нас всё хорошо». Игра начиналась с самого скучного: с того, чтобы быть женой, которая ничего не знает. С сегодняшнего вечера она больше ни чья жена. И с сегодняшнего вечера, решила Алиса Ветрова, закрывая глаза, никто не знает, кто она такая.

Глава 1. До

За девять дней до той ночи.

За девять дней до того, как телефон лёг экраном вверх, Алиса Ветрова считала свою жизнь хорошей.

Считала не идеальной. Слово идеальный она избегала с тех пор, как в двадцать три года, на защите диплома, услышала от профессора: «Ветрова, у вас работа идеальная. И у вас, Ветрова, никогда ничего не будет, потому что идеального не существует». Профессор был старый, злой и, как оказалось, прав — в одном он угадал: у неё, действительно, никогда ничего не было. Кроме того, что она построила сама. Кирпичик за кирпичиком. Вдоль набережной, против течения, без единого подарка судьбы.

В шесть тридцать утра Алиса уже была в студии.

«Ветрова Студио» занимала второй этаж бывшего банковского корпуса на углу набережной. Девять лет назад, когда Алисе было двадцать пять и на её имя было один проект, два клиента и аренда за полцены (владелец здания был бабкин однокурсник — единственное, что в её жизни было не её, и она об этом никогда не забывала и никому не прощала), офис занимал кабинет с окном в парадное. А теперь — целый этаж: переговорная с видом на канал, шоурум на тридцать метров, где стояла её собственная коллекция — стол «Медь», стеллаж «Гавань», кресло «Ночь», — и, напоследок, маленькая кухня, на которой всегда пахло кофе.

Кухня — её.

Алиса стояла у кофемашины, смотрела, как капает эспрессо, и думала о вчерашнем совещании. Большой проект на заводе у реки — имени заказчика она ещё не знала, потому что всё стояло на стадии тендера, — требовал дизайн-партнёра с портфолио, и у студии такое портфолио было. Тридцать проектов за девять лет, два профессиональных «Оскара» индустрии — две статуэтки «Золотого метра», — и одно правило, которое Алиса вбила в команду с первого дня: клиент платит не за красоту. Клиент платит за то, что с ним не случится ничего, чего он не хотел бы.

Кофе был готов. Алиса налила вторую чашку — там, в углу, у окна, уже сидела Кристина. Крис. Кристина Соколова. Волосы собраны, губы — «голый коралл», телефон на столе экраном вниз, как всегда. Она помешивала кофе ложкой, не пила, смотрела в окно.

— Ты опять не спала, — сказала Алиса вместо приветствия.

— Спала.

— Ложь.

— Спала с закрытыми глазами. Это тоже сон, Алиса.

— В шестом классе у нас это называлось «не выспалась из-за телика».

Крис хихикнула — коротко, как хихикают взрослые, которые помнят, что когда-то хихикали нормально, — и отпила кофе.

Ритуал. Два кофе, два круассана, одна шутка про жизнь. Каждое утро — семь лет подряд, с тех пор как Крис пришла в студию директором по маркетингу. А до того были семнадцать лет дружбы: с шестого класса, когда они договорились, что жизнь можно проживать хорошо, если её делить.

— Слушай, — сказала Крис, когда круассаны были съедены наполовину. — Двенадцатого.

— Двенадцатого что?

— Двенадцатого июля.

Алиса смотрела на подругу. Двенадцатое июля. Годовщина. Семь лет.

— Помню, — сказала Алиса.

— У тебя опять лицо, как у бухгалтера в пятницу.

— У меня всегда такое лицо.

— Нет. У тебя такое лицо, когда ты считаешь. А ты сейчас считаешь. Сколько? Семь?

— Семь, — подтвердила Алиса. — Семь лет. Как быстро.

Крис подалась вперёд.

— Паша что-то готовит, — сказала она. — Он три дня какой-то... светится. По-плохому. Как мальчик, который украл ворованное.

— Может, ему повысили оклад?

— Его оклад повышаете вы.

— Тогда он боится.

— Может, и боится. Но боится — это он умеет. А вот светиться — он не умеет. Он светится, когда... — Крис запнулась. — Ладно. Короче. Я ему сказала: сюрприз должен быть сюрпризом, а не театр. Он сказал: ты не понимаешь. Я сказала: это ты не понимаешь.

Алиса усмехнулась.

— И что ты сказала дальше?

— Ничего. И пошла отсюда, потому что ты меня не любишь, когда я рядом с ним.

— Люблю. Просто ты у меня в подчинении.

— Я у тебя в подчинении по штатному расписанию. По жизни я твоя старшая. У меня два диплома.

— Один — о высшем образовании, второй — о том, что ты умеешь не слушать.

Крис рассмеялась — на этот раз нормально, по-настоящему, — и они рассмеялись вместе, как рассмеялись бы семнадцатилетние девчонки, которым нечем заплатить за третий круассан. В девять приехал Павел. Паша. Павел Данилов. Семь лет в браке, четыре — в студии операционным директором: его часть, его операционка, его «всё решается, не переживай». Он заходил в студию так, как заходят домой: не стуча, но и не врываясь, — с букетом, с кофе, с новостями.

— Золотая, — сказал он, подходя. — Доброе утро.

Он обнял её в дверях. Обнимал Алиса коротко, одним движением — это был их формат, семь лет отработан, — и отпустил, и поцеловал в макушку. На воротнике его рубашки пахло не им.

Не другим одеколоном — это было бы понятно. Пахло просто... не им. Легко, ненавязчиво, так, что можно было решить: это парфюмерия из магазина, это новый гель для душа, это просто другая вода. Алиса не сделала ни одного движения. Она поцеловала его в ответ в щёку, сказала «доброе утро, Паша» ровным голосом, как говорила семь лет, и провела его в переговорную:

— Кофе?

— Чёрный. Без сахара. Как всегда.

— Ты знаешь, что у нас в четверг «Северянка»?

— Знаю. Я закрываю логистику до вечера.

— Паш, в четверг у тебя «Северянка» и Москва.

— Москва отодвинулась. Совещание на пятницу.

— На пятницу. — Алиса повторила это вслух, как повторяют фразу, которую только что услышали впервые. — А вчера ты говорил среда.

— Вчера было вчера, — сказал Паша легко, как человек, который привык, что за ним не поспевают. — План — это не судьба, золотая. План — это намерение.

— А намерение теперь — пятница?

— Теперь — пятница. — Он улыбнулся. — Не будь бухгалтером в пятницу, ладно?

— Я не бухгалтер в пятницу. Я бухгалтер всегда. Это моя суперспособность.

Он рассмеялся. Обнял. Ушёл в переговорную на созвон. Алиса стояла в дверях и смотрела, как его дверь закрывается.

Запах. «Не им». Пятница вместо среды. «Светится, как мальчик, который украл ворованное». Три точки. Три точки не составляют линию. Три точки — это повод насторожиться. Но Алиса Ветрова, выросшая в доме, где мать «всегда была в командировках» (по факту — с другим человеком в соседнем городе), а отец «вечно в служебных поездках» (по факту — уже не здесь), знала одну вещь лучше, чем бухгалтерский учёт: настороженность без факта — это не защита. Это чужая болезнь. И она в шестнадцать лет, глядя на мать, которая в каждом такси видела измену, сказала себе: «Я не буду такой. Я буду видеть. А подозревать — не буду.»

Поэтому она просто записала. На кухне, в блокноте, между «купить билеты» и «позвонить маме в день рождения», появилась одна строка, без даты: «Паша: пятница, „не им“, светится». И она провела под строкой линию. Не зачёркивая — проводя. Так, как ведут черту, которую можно продолжить. День был обычный.

Москва сдвинулась на пятницу, «Северянка» осталась на четверге и шла без неё — значит, четверг был её: приёмка трёх квартир на Каменном острове, два созвона с поставщиком камня, проверка сметы по «Гавани» (новый проект: резиденция, двенадцать этажей, бюджет — «не обсуждается»), и, в конце, встреча с директором сети отелей, который хотел, чтобы студия обновила его флагманский отель.

— Ветрова, — сказал директор, глядя на планшет, — у вас цены, как у...

— Как у лучших, — закончила Алиса.

— Как у лучших, — согласился он. — Я и хотел так сказать. Я не хотел быть грубым.

— Вы не были. Вы были точным. Это редкость.

Он засмеялся и подписал письмо о намерениях. В тринадцать ноль-семь — Алиса смотрела на часы, потому что у неё всё шло по часам — она вышла из переговорной, проходила мимо шоурума и остановилась. В шоуруме никого не было. Стол «Медь» стоял у окна, и в нём — полированный, тёмный — лежало отражение: набережная, канал, баржа, прошедшая по воде. И отражение самого шоурума: стеллаж «Гавань», кресло «Ночь», пустое.

Алиса смотрела на отражение и думала о бабушке.

Вера Петровна — бабушка Вера, как звали её все, кто знал, — умерла, когда Алисе было двадцать один. Бабушка Вера проектировала школы. Двадцать три года — школы, больницы, дома культуры. «Я строю то, что будет сто лет, — говорила она. — А ты, Алёнка, строй то, что будет стоять тебе.»

После смерти бабушки у Алисы осталось две вещи: дом у Гатчины — маленький, с верандой, с садом, который бабушка сажала сорок лет, — и тетрадь. Тетрадь в клетку, синяя, с «Правилами» на полях. Тетрадь лежала дома, на полке в ванной, — там, где Алиса видела её каждое утро. А здесь, в углу шоурума, за стеклом, стояли только кубки «Золотого метра». Алиса иногда брала тетрадь в руки. Не читала — брала. Как берут за руку.

Сегодня она не брала. Сегодня она просто смотрела на полку и думала: семь лет. Семь лет — это много. Семь лет — это, по бабушкиным меркам, полшколы. По её — полжизни. В шестнадцать часов звонил Паша.

— Золотая. Я заеду в семь. Ресторан — как договаривались? «Балкон»?

— «Балкон». В восемь.

— Принесу цветы. И... — он помолчал. — Двенадцатого. Я не буду рассказывать. Просто: доверься.

— Паша, мне не надо, чтобы ты мне рассказывал. Мне надо, чтобы ты был рядом.

— Я рядом. Я всегда рядом.

— Знаю.

— Люблю.

— И я.

Вешая трубку, Алиса почувствовала то, что чувствовала, когда в проекте что-то не сходилось: не тревогу. Тревога — это когда не знаешь. А когда знаешь — это другое. Это когда

сумма сходится, а цифра на последнем месте не та, и ты смотришь на неё и понимаешь: где-то выше, в самом начале, кто-то поставил не ту запятую.

Она заехала за Пашей к нему в офис в семь. Он ждал её у подъезда — цветы, улыбка, «прости, что заставил ждать, логистика».

— Как день?

— Хорошо. Твой?

— Хорошо. Усталый. Хороший.

Они сели в машину. Паша был за рулём — он всегда был за рулём, даже когда машина была её, даже когда город был её, даже когда, как она тогда думала, и жизнь была их общей. «Балкон» был на последнем этаже старого дома, над каналом. Стол — у окна. Свечи. Два бокала. Музыка, которая играет так, чтобы её можно было не слушать.

В семь сорок Паша заказал вино. В семь пятьдесят — суп. В восемь десять — они говорили о «Гавани», о «Северянке», о двенадцатом, о том, что к годовщине он, возможно, что-то устроит (Алиса: «Что именно?», Паша: «Ты же знаешь, я не говорю», Алиса: «Я знаю, что ты не говоришь. Я не знаю, что ты устроишь», Паша: «Это и есть сюрприз»).

В восемь тридцать Паша наклонился к ней через стол.

— Алёна. Послушай. Я тут задумался.

Он звал её так с первого года — бабушкиным именем, тем самым «Алёнка», только повзрослому. Когда-то ей это нравилось.

— Опять?

— Серьёзно. Двенадцатого. Семь лет. Я думаю, что нам... — он покрутил бокал, — нам надо что-то. Не подарок. Не ужин. Нам надо... перезагрузиться.

— Перезагрузиться.

— Как компьютер. Знаешь. Выключить, включить. С чистого.

Алиса улыбнулась.

— Паша, я не компьютер. Я не выключаюсь.

— Вот и я о том. — Он тоже улыбнулся. — Мы же не выключаемся. Мы просто... иногда не перезагружаемся. И тогда — глюки.

— Какие глюки?

— Какие-нибудь. — Он поднял бокал. — За то, что мы не глючим.

— За нас.

Они выпили.

За ужином Паша был хорош: шутил, вспоминал их первую встречу (она — на защите, он — «в зале, с букетом, я же говорил, что ты будешь лучшей» — это была его версия; её версия была другой: в зале было сорок человек, букет был не ей, и она не помнила, чтобы он смотрел на неё), обещал двенадцатое, обещал всё.

Алиса ела, пила, отвечала. Ей было хорошо. Ей было хорошо до самой двери ресторана, до того момента, когда Паша обнял её — на прощание, на сегодня, — и она, наклонившись к его плечу, вдохнула. «Не им». Теперь уже не возможно. Теперь — «не им».

— Паша, — сказала она тихо.

— Мм?

— Что это за запах?

Он поднял бровь. Улыбнулся — быстро, по-мальчишески.

— Что, уже?

— Паша.

— Это... гель. Новый гель. Я... пробовал. В магазине.

— Ты пробовал гель в магазине.

— Алиса. — Он положил ей руку на плечо. — Не играй в сыщика. Это неинтересно. Это скучно. Давай... давай я тебя поцелую, и мы поедем, и ты заснёшь, и всё будет хорошо.

— Хорошо.

Они поцеловались. На мосту, в машине, в дверях квартиры. Три поцелуя. Все — его. В десять сорок Алиса стояла в ванной, мыла руки, и вода была тёплой, и зеркало было сухим, и жизнь была хорошей. Хорошая. Так она и сказала, умываясь: «Хорошая». И повернулась к зеркалу, и в зеркале на неё посмотрела женщина, у которой всё хорошо.

И это было самое страшное. Потому что Алиса Ветрова умела распознавать ложь в сметах, в контрактах, в лицах. Но не в себе. Себя она проверять не умела. Себя она — как семью, как хорошую — считала своим. А своё, как известно, не проверяют. И зря. Своё — надо проверять первым. Но это было завтра. А сегодня была пятница, и жизнь была хорошая, и где-то в городе, в другой квартире, на другом конце города, Кристина Соколова закончила разговор с мужем и написала короткое сообщение: «Всё по плану. Двенадцатое. Не волнуйся».

Глава 2. Трещины

Суббота началась с того, что Кристина опоздала.

На двадцать минут. Для Кристины Соколовой, человека, который опаздывал только на похороны и то из-за траурных пробок, это было равносильно землетрясению. Алиса стояла в студии одна, в футболке и кроссовках, и ждала. Кофемашина шипела. За окном баржа медленно ползла по каналу.

В девять сорок Крис влетела в дверь, запыхавшаяся, с сумкой, с кофе на бегу в руке.

— Прости. Прости-прости-прости. Машина... Знаешь, как у нас в выходные пробки?

— У нас в выходные в центре ни одной машины.

— Тем страшнее.

Она поставила кофе, сняла куртку, села. И молчала. Алиса налила себе чашку, подошла к столу, села напротив и посмотрела на подругу. Крис была не такая. Не злая, не уставшая, не мне плохо — это было бы видно, это было бы понятно, это было бы по-человечески. Крис была — где-то. Глаза на Алисе, улыбка на Алисе, голос на Алисе. А человек — в другом месте. В месте, до которого не было телефона.

— Крис.

— Мм?

— Ты где?

— Здесь. А что?

— Ничего. — Алиса отпила кофе. — У тебя новый парфюм.

— Да? Крис Соколова, двадцать девятая коллекция. — Подруга наклонила голову. — Хороший?

— Хороший. Лёгкий.

— Я от него в восторге. Пахнет так, будто... — Крис задумалась. — Не знаю. Как будто ты его ещё не надела.

Алиса улыбнулась.

— Ты сегодня какая-то странная.

— Я всегда странная.

— Сегодня — более.

— Алиса, я не знаю, что ты от меня хочешь. Я хочу круассан.

— Вот и отлично. — Алиса достала из-под стола коробку, которую не успела допить вчера. — Круассан.

Они ели круассан. Крис разговаривала. Крис рассказывала о клиенте, о поставщике, о том, что Денис (муж, который «всегда в делах», как и мать Алиса когда-то, — такая вот семейная традиция) летит в Азию на неделю, о том, что она одна дома, с котом и тишиной. Крис смеялась. Крис жестикулировала. Крис была Крис.

И всё-таки. Алиса провела линию. Не зачёркивая. В понедельник, в десять, на планёрке, она впервые за семь лет посмотрела на расписание Паше. Не прочитала — посмотрела. С высоты. Так смотрят на смету, в которой что-то не сходится, но пока — где-то. У Паше на этой неделе было: вторник — «встреча с партнёром» (11:00–14:00, переговорная), четверг — «встреча с партнёром» (10:00–13:00, шоурум).

— Кто партнёр? — спросила она, когда планёрка закончилась и в переговорной остались они вдвоём.

Паша не поднял глаз от планшета.

— «Кварц-Стиль». Камень.

— «Кварц-Стиль» в отпуске. До пятницы.

— А, это новый. Другой. — Он, наконец, поднял глаза. — «Меркадор». Мрамор.

— ««Меркадор» едет в среду. Я видела тикет.

— Видела. — Паша закрыл планшет. — Алиса, ты сегодня с утра ведёшь себя, как детектив из дешёвого сериала.

— Я не веду. Я смотрю.

— Чему тут смотреть?

— Расписанию.

— Моё расписание ты знаешь лучше, чем я сам.

— Знаю. Поэтому и смотрю.

Он посмотрел на неё. Долго. Не злорадно — так, как смотрят на человека, который сделал что-то не то, но не понимают, что именно.

— Хорошо, — сказал он. — Смотри.

Вечером, в шесть, Паша пришёл домой раньше, чем обычно. С букетом. С новостями. С «я закрываю логистику». Алиса готовила ужин — суп, как полагалось, в понедельник, — и они разговаривали, как всегда: о работе, о «Гавани», о том, что к двенадцатому она хочет «что-то маленькое, без сцен», а он хочет «что-то большое, без пафоса».

— Паш, — сказала она, когда суп был разлит, — ты как будто далеко.

Он поставил ложку.

— Что?

— Ты как будто далеко. Не телом. Телом ты здесь. А... — она помешала суп. — А как будто в другой комнате.

Паша молчал ровно четыре секунды. Алиса считала.

— Алиса, — сказал он. — У нас сезон. У меня — операционка, у тебя — креатив. Ты три недели не выходила из студии. Я — из офиса. Мы оба... загружены.

— А в отпуск ходим?

— Сходим. После двенадцатого. Я обещал.

— Паша.

— Да?

— Ты сегодня... странный.

— Я усталый. — Он улыбнулся. — Есть разница.

— Есть. Странность — это когда не знаешь, что с тобой. Усталость — это когда знаешь.

— Тогда, значит, я усталый.

— Знаю. — Она улыбнулась. — Усталый.

Он обнял её. Сел. Ел суп. Алиса сидела напротив и думала: объятие было правильное. По форме — правильное: руки, плечи, щёка, «маленькая». По содержанию — пустое. Как обнимает человек, который обнимает не человека, а место, где человек стоит. Вечером, когда Паша уснул в кресле, на новостях, Алиса стояла в кухне и мыла последнюю чашку.

На столе лежали его ключи: от машины, от офиса, от квартиры. Рядом — бумажник, расстёгнутый, как он его всегда бросал. Алиса взяла ключи, чтобы положить в чашку у двери. В бумажнике, между водительскими правами и картой, лежала квитанция. Она увидела её краем глаза. Положила ключи. Вернулась за бумажником. Взяла квитанцию.

«Паркинг. Ручной пропуск. 00:37–03:12. Сумма: 420 рублей.»

Суббота. Ночь. 0:37 — 3:12.

Машина была в гараже. В субботу вечером — в гараже. Значит: в субботу ночью машина была на улице. В городе. 0:37 — 3:12. А потом — домой. Алиса посчитала. 0:37 — 3:12. Два с половиной часа. Два с половиной часа — достаточно. «Достаточно» для чего — она не знала. Она «не хотела знать». Так это называлось. Не «слепота». «Не хотела».

Квитанция лежала на столе. 420 рублей. Не большая цифра. Не «маленькая» цифра. «Точная» цифра. И именно в этом — самое плохое: цифра точная, время точное, гараж точный. Всё — точное. Кроме объяснения.

Алиса стояла у стола, держала квитанцию в двух пальцах, как держат чек, на котором не та сумма, — и ничего не чувствовала. Абсолютно ничего. Ни беды, ни гнева, ни боли. Только очень чёткое, очень тихое ощущение, как в старой книге: «Здесь начинается та часть, после которой уже нельзя вернуться».

Она не стала ничего говорить. Она просто сложила квитанцию — аккуратно, пополам — и положила обратно в бумажник. В пятницу вечером Паша паковал чемодан. «Срочное совещание, Москва, три дня», — сказал он в субботу. В пятницу вечером он собирал вещи, и Алиса приносила ему рубашки, и они прощались у лифта, и всё было как всегда, как семь лет, как мы.

— Позвони, как приземлишься, — сказала она.

— Позвоню.

Он поцеловал её в макушку.

— Люблю.

— И я.

Дверь лифта закрылась. Алиса стояла у стены, в коридоре, и слушала, как лифт уезжает вниз. Она не плакала. Она не кричала. Она просто стояла и думала о бабушке, которая строила школы и которая, наверное, знала: трещина в стене не слышна. Трещина в стене не видна. Трещина в стене — это звук, который слышен только тогда, когда стена уже падает.

В четверг, в два — приёмка «Северянки». Паша «пришёл с ней». Они пошли по объекту вдвоём: зал, лестница, окна. Паша говорил. Паша показывал. Паша сказал «Ветрова, смотрите сюда» и «Ветрова, давайте здесь». Алиса слушала. Алиса записывала. В четыре, на объекте, в тамбуре, Паша наклонился к ней.

— Алиса.

— Мм?

— Ты сегодня далёкая.

— Я внимательная, Паша.

— К чему?

— К «Северянке».

— Ко мне — внимательная не к чему.

— Ко мне я внимательная. А сегодня — «Северянка».

Он улыбнулся. Шлёпнул по плечу. Запах. «Не им». Лёгкий. Пудровый. Как парфюм, который она знала. Чей? Алиса перевернула страницу в блокноте. И подумала: «Правило 7. Сверяй с фактами». Но не сверила. Правило 7 было бабушкино. Не слово — привычка: бабушка меряла дважды, читала дважды, проверяла дважды. «Алёнка, кривую линию — проще начертить, чем прямую. А прямую — сложнее начертить, чем кривую. Поэтому — дважды».

Она — «не хотела». Так это называлось. Не «слепота». «Не хотела». В тот же вечер, в десять, Алиса села на кухне, достала блокнот и достала тетрадь. Тетрадь бабушки. Синяя, в клетку. Она открыла её не на первой странице — не на «Правило 1» — а на седьмой. На той, которую она знала наизусть, но которую перечитывала, как молятся.

«Правило 7. Сверяй с фактами. Чувства врут.» Под строчкой, мельче: «Факт — это не то, что ты видишь. Факт — это то, что можно проверить дважды». Алиса открыла свой блокнот. Там, под линией, которую она провела в пятницу, уже стояли две строки: «Сб: Крис. Опоздала. „Где-то“. Новый парфюм — лёгкий. Не „наш“.» «Пн: „Меркадор“ в среду, тикет. Квитанция: паркинг, сб, ночь, 420 руб.»

Она смотрела на эти строки. Потом — на тетрадь. Потом — в окно, на мокрые от дождя окна напротив.

— Дважды, — сказала она вслух. — Проверяю дважды.

Она не знала тогда, что проверка дважды займёт одну ночь. Она не знала, что в ту ночь машина в гараже, 420 рублей, «не им» на воротнике и лёгкий парфюм — выстроятся в одну

линию. Одну. Прямую. Как в чертеже. Тот, что бабушка вела: без единой кривой. Она не знала, что в этой ночи нет ничего страшного, кроме одного: в ней, впервые за семь лет, ей придётся смотреть — не на то, что она хотела видеть, а на то, что было.

Дождь за окном не утихал. Петербург мыл окна. А на Петроградке, в квартире, в которой не было для него места, Кристина Соколова пила чай и думала о том, что всё идёт по плану. Она не знала, что чуть менее чем через три часа закончится та жизнь, которую она себе построила. И начнётся — та, в которой она, наконец, станет собой.

Глава 3. Факт

Утром, в шесть, будильник. Алиса встала. Умылась. Заварила кофе — один, свой, чёрный, без сахара. Выпила стоя, у окна, глядя на мокрые крыши. За окном было то же серое небо, те же мокрые окна, те же баржи на канале, что и вчера. Петербург не знал, что за последнюю ночь одна из его жительниц перестала существовать. Алиса прошла в ванную, посмотрела в зеркало и сказала:

— Доброе утро, чужая.

Она не знала тогда, что это слово она будет носить как имя. Потом — телефон. Она посмотрела на телефон. Телефон был — там. Она не открыла. Она положила его экраном вниз. «Не сегодня», — подумала она. «Сегодня — „факты“». «Факты» — на столе. «Факты» — точные. «Факты» — не плачут.

Вчера без малого в полночь, когда телефон лёг экраном вверх и она прочитала то, что прочитала, она сделала четыре вещи: выключила себя, выключила эмоции, выключила всё, что в ней хотело кричать, — и включила себя настоящую. Ту, что за девять лет построила студию с нуля. Ту, что не плачет, когда сметы не сходятся. Ту, что считает.

Тетрадь бабушки лежала теперь на прикроватной тумбочке — Алиса принесла её ночью из ванной. Между чертежом школы и Правилom 3. В ней, на сгибе, лежало кольцо — простое, золотое, с одним камнем, семь лет на пальце, ни разу не снятое даже в бане. Алиса смотрела на него. Палец под кольцом был тоньше, чем она помнила. Семь лет — это много. Палец помнит.

Она закрыла тетрадь. Первым делом утром — до того, как начался день, до того, как начались звонки, — Алиса приняла одно решение, которое было важнее всех четырёх строк в блокноте: Никому не говорить. Не маме (мама — это разговор в День матери, и мама — это тот человек, которому нельзя, потому что мама начнёт звонить Паше с вопросом, и всё рухнет). Не Крис (Крис — это то, что только что случилось).

Потому что рассказать — это сделать человека свидетелем. А свидетели начинают тебя жалеть. А тех, кого жалеют, можно вести. А она больше не из тех, кого ведут.

Не тётке Нине (тётя Нина — это всё соседство, и тётя Нина позвонит с вопросом, и соседство будет знать). Не кухне (кузина — это общение, и кузина напишет «дорогая, я всё поняла», и общение напишет «дорогая, у тебя всё хорошо?»). Не подруге из зала (подруга из зала — это «мы пили бокал», и мы будут знать, и мы будут болеть).

Никому — из тех, кто будет жалеть. Потому что рассказать — это отдать. А она — не отдаёт. Оставались те, кто не жалеет, а считает. Финансист. Юрист. Их черёд придёт, когда у неё на руках будут цифры, — и это будет не рассказать, а поручить. Алиса Ветрова оделась, нарисовалась, взяла сумку, ключи, зонт (дождь не кончался) и в шесть тридцать уже была в студии.

Дверь. Ключ. Кофемашина. Две чашки. В углу, у окна, уже сидела Кристина.

— Доброе утро, — сказала Алиса, и голос у неё был ровный, и улыбка у неё была её, и на миг — на один единственный миг — ей показалось, что она только что надела маску.

И что маска хорошо сидит. Крис подняла глаза. Улыбнулась. Налила кофе.

— Ну, — сказала Крис. — Как ты?

Алиса села напротив, обёрнула ладони вокруг чашки и сказала так, как говорила все эти годы, каждое утро, — тем же тоном, что и в шестом классе:

— Хорошо. А ты?

— Я? — Крис улыбнулась. — Я — в восторге.

Они пили кофе. Крис рассказывала, как Денис улетел в Азию и оставил её одну, с котом и тишиной. Крис рассказывала о поставщике, о клиенте, о том, что «Гавань» — это, конечно, безумие, но какое. Алиса слушала. Алиса смеялась. Алиса кивала в правильные моменты. А в

это время, на дне её памяти, как на дне чашки, лежал осадок: три года. Четверги. «Ты мой». Отель «Невский дворик» — десять минут на такси от дома.

Алиса допила кофе.

— Крис.

— Мм?

— Спасибо. За кофе. За... за всё.

Крис посмотрела на неё. Внимательно. Как смотрят, когда человек говорит что-то не то, но ещё не понимают что.

— Алиса, ты сегодня... странная.

— Я всегда странная.

— Сегодня — более.

Алиса улыбнулась.

— Я устала. Сезон.

— Ладно. — Крис пожала плечами. — Устала — это я знаю. А странная — это уже не я.

Крис собирала вещи.

— Алиса.

— Да?

— Если что — я на месте.

— Я знаю.

— Если что — это всё.

— Крис.

— Да?

— Спасибо, что на месте.

Крис пожала плечами. Встала.

— Шесть лет мы на месте.

— Семнадцать.

— ...Да. Семнадцать.

Крис вышла. В одиннадцать зашёл директор сети отелей. Тот самый. Который месяц назад подписал письмо о намерениях. Который «хочет, чтобы студия обновила флагман». Который — свой.

— Ветрова.

— Добрый день.

— Как вы?

— Хорошо.

— А я — отлично. Флагман — на подходе.

— У вас — на подходе?

— А что?

— У вас — на подходе флагман.

— Ветрова, вы — в норме?

— Я — точно.

Он засмеялся.

— Знаю.

Они говорили. О флагмане. О сроках. О «до и после». О «Гавани». О «Северянке». Алиса говорила. Ровно. Точно. Как говорила девять лет. А в это время, где-то под ровным, где-то под точным, — сидело то, что она не показывала. «Не показывай», — сказала бы бабушка. «Не показывай», — сказала она себе. И не показывала. В три часа бухгалтерия студии пересчитывала.

Виктор Петрович стоял в дверях.

— Алиса.

- Виктор Петрович.
- «Пересчёт» — это ваш?
- «Пересчёт» — плановый.
- «Плановый» — это не ваш.
- Виктор Петрович.
- Да?
- Я не знаю.
- «Не знаю» — это знаю.
- Виктор Петрович, идите к пчёлам.
- «Пчёлы» — на месте.
- Тогда — возвращайтесь.

Виктор Петрович ушёл. К пчёлам. «Возвращайтесь». В три часа позвонила мать.

- Алёнка.
 - Мама.
 - Как ты?
 - Хорошо.
 - А муж?
 - Паша — в Москве.
 - Опять?
 - Опять.
 - Алёнка, ты — в порядке?
 - Мама.
 - Да?
 - Я — в порядке.
 - Ладно. — Пауза. — Алёнка, ты — странная.
 - Мама.
 - Да?
 - Я — усталая.
 - Усталая — я знаю. А странная — «это не я».
- Алиса улыбнулась.
- Мама.
 - Да?
 - Спасибо. За странная.
 - За что?
 - За не я.

Она повесила трубку. Села. И впервые за этот день — выдохнула. Не выдохнула. Выдохнула. Теперь — второй. И второй был важнее первого. Потому что первый — это эмоции. А второй — это цифры. Правило 7. «Сверяй с фактами. Чувства врут.» Алиса села за стол, достала блокнот и под четырьмя строками, которые написала вчера ночью, провёл ещё одну линию. И под ней — новую строку:

«5. Утром — Виктор Петрович. Числа. Все. Без сентиментов». Она откинулась в кресле. За окном было серо. Баржа медленно ползла по каналу. Игра начиналась всерьёз.

Глава 4. Цифры

Четверг. Студия. Игра.

Алиса провела день так, как проводила девять лет: приёмки, созвоны, сметы, «Гавань», «Северянка», новый проект на Каменном. Её голос был её голосом. Её улыбка — её улыбкой. На планёрке она два раза пошутила (команда засмеялась — с ней так не бывает, если она не в духе), один раз повысила голос на поставщика мрамора (правильно, по делу, по цифрам), и в шесть вечера, уходя, сказала Крис:

— Завтра в девять. Кофе.

— А как же я без тебя? — Крис зевнула, укладывая вещи. — Я, кажется, в тебя влюблена.

— Ты в кофе влюблена. Я тут по ошибке.

— Алиса, с тобой можно жить. С другими — нельзя.

— С другими я не живу.

Они пожали руки на прощание — так, как они прощались с шестого класса, — и дверь закрылась. Алиса стояла в пустом шоуруме и выдохнула. Первый день. Отработано. В одиннадцать позвонили с «Северянки». Директор. Крупный. В светлом костюме.

— Ветрова.

— Директор.

— Где ваш директор?

— Кто?

— Данилов. Нам надо по камню.

— Паша — в Москве.

— Он — в Москве много.

— Паша — работает.

— А вы?

— Я — строю.

Тишина.

— Ветрова.

— Да?

— Просто — вы побывали.

— Я — всегда такая.

— Нет. Вы — побывали.

— «Побывали» — у вас, не у меня.

Он засмеялся.

— Вы — острая.

— Я — точная.

— То же самое.

— Для меня — то же самое.

Вторым днём игры был обед. Алиса сидела в переговорной, перед ней — планшет с «Гаванью», и в тридцать минут второго в переговорную вошёл Виктор Петрович Орлов.

Виктор Петрович — финансовый директор студии, пятьдесят пять лет, в жизни два проекта: студия и пчелиная ферма под Гатчиной (он увлёкся в тридцать, теперь — не отпустит, и он был прав). Виктор Петрович был честным так, как честны люди, которым за пятьдесят и которые уже поняли, что честность — это не добродетель, а экономия: честному не надо помнить, что он кому что говорил.

— Сметы по «Гавани» готовы, — сказал он, садясь. — Смотрите.

Алиса смотрела. Через пять минут она сказала:

— Виктор Петрович. Мне нужна цифра.

— Какая?

— «Данилов Проект».

Виктор Петрович положил планшет. Он посмотрел на неё так, как смотрит человек, который слышит выстрел и понимает, что стреляли не в него.

— Алиса, я не...

— Мне нужны цифры. Три года. Все платежи, которые студия провела через «Данилов Проект» как консультационные.

— Алиса.

— И кто подписывал.

Тишина. Виктор Петрович снял очки, протёр их — привычка, нервный жест, — и сказал:

— Я не знаю, что у вас случилось.

— Что — случилось?

— Я не знаю. Но вы — не вы.

— Я — считаю вас.

— «Считаю меня»?

— Мне нужны цифры.

— Понял. Но — зачем?

— «Зачем» — это моё.

Виктор Петрович надел очки.

— Знаете, что интересно? Пчёлы — не зачем.

— А что они?

— Они — строят.

— Виктор Петрович.

— Да?

— Я — строю.

— Мне неинтересно, что у нас случилось. Мне интересно, что в цифрах.

— Три года, — сказал он, не поднимая глаз. — Восемьдесят три контракта. Консультации, сопровождение, экспертиза. Сумма за три года — пятьсот сорок. В год — сто восемьдесят.

Алиса молчала.

— Контракты подписаны им. Как «генеральным директором студии».

— Доверенность?

— Здесь дело не в доверенности. Доверенность есть, она... — Виктор Петрович помолчал. — Она старая. И я, честно говоря, не проверял. Мне не по должности. Мне — по совести. Я видел, как он подписывает, и я думал: ладно, это же Паша, это же свой, это же... — он оборвал себя. — Я не знаю, что я думал.

— Виктор Петрович. Если я завтра скажу «заморозить все контракты с „Данилов Проект“ под плановым аудитом» — что будет?

— Заморозим. Юристы подхватят. Клиенты не заметят, если не паниковать.

— А Паша?

— Паша — директор. Он спросит.

— И что вы ему скажете?

Виктор Петрович надел очки.

— Скажу правду. Плановый аудит. По вашей подписи.

— И?

— И, Алиса, — он посмотрел ей в глаза, — я не хочу, чтобы меня заставляли выбирать. Я не из тех, кто выбирает. Я — пчёлы, градки, студия. И если мне предложат «или он, или ты» — я уйду. К пчёлам.

— Я не предлагаю выбирать. Я предлагаю считать.

— А это, — он встал, — одно и то же?

— Для вас — нет. Для меня — да.

Он вышел. В тринадцать десять позвонил «Гавань». Директор. Тот, что из «Гавани».

— Ветрова.

— Директор.

— Как там дела с «Даниловым»?

— Паша — работает.

— Я спрашиваю про цифры.

— Цифры — на столе.

— Ветрова, что происходит?

— «Происходит» — ничего. Сезон — идёт.

— А «техническая перенастройка»?

— «Техническая перенастройка» — плановая.

— И как она идёт?

— Пока идёт.

Тишина.

— Вы сегодня странная.

— Я — точная.

— «Точная» — это не странная.

— Для меня — одинаковая.

Гудки. Алиса поставила телефон. И подумала: «Второй день. „Гавань“ — „слушает“. Хорошо». «Слушает» — это тихо. «Тихо» — это работает. В четырнадцать ноль-ноль Алиса сидела в кафе — не в деловом, не в своя, а в маленьком, на углу, с пирогами, — и напротив неё сидела Тамара Ильинична Кравцова.

Тамара Ильинична — сорок восемь лет, адвокат, шесть лет юрист студии, женщина, которую Алиса когда-то наняла на контракты и которая с тех пор была рядом, как хорошая сталь: молчаливо, ровно, без лишних слов. Алиса никогда не звонила к ней по личному. Никогда. А теперь звонила и говорила ровно то, что нужно, ни слова больше:

— Тамара Ильинична. Мне нужен разбор. Доверенность. Операционный директор. Контракты с аффилированной фирмой. Всё — по закону, без эмоций.

— Алиса, вы в порядке?

— В порядке.

— Вы никогда не...

— Я знаю, кто я для вас. Штучный клиент. Конфиденциальный. Без имени.

Тамара Ильинична посмотрела на неё. Долго. Потом достала телефон, открыла что-то, и сказала:

— Доверенность четырёхлетней давности. Срок — один год. Продление по договору — не оформлялось. Оригинал у вас в сейфе.

— И это никто не увидел за три года?

— А кто должен был увидеть? — Тамара Ильинична пожала плечами. — Банк смотрит на карточку подписей, а она бессрочная. Контрагенты смотрят на печать и на то, что деньги приходят. Бухгалтерия смотрит на первичку. Доверенность подшивают один раз, при выдаче, и больше к ней не возвращаются — её обязан отслеживать тот, кто её выдал. То есть вы. А вы доверяли.

— А Виктор Петрович?

— Виктор Петрович визирует платёж, а не полномочия. Для него Данилов — действующий операционный директор, вписанный во все внутренние регламенты, с корпоративной почтой, с доступом в систему и с вашей фамилией за спиной. Внутри контура полномочия никто не перепроверяет — их перепроверяют только на входе, когда человека заводят. Данилова завели один раз. Четыре года назад.

— Я доверяла.

— Это самая распространённая дыра в стране, Алиса. Она держится ровно до первого человека, который решит проверить.

Алиса почувствовала, как внутри что-то встало на место. Как деталь в механизме, которую не хватало.

— Значит, — сказала она. — Всё, что он подписал после 2022-го, как гендиректор студии — ...

— Не гендиректор. У него должность операционный директор. Подписывать контракты студии он не имел права. Никогда. После окончания срока доверенности — тем более.

— Значит, восемьдесят три контракта — ...

— Споримые. Не ничтожные — это слово для суда, а суда мы не хотим. Споримые. И каждый из них — повод для разговора.

— Разговора.

— Разговора, — подтвердила Тамара Ильинична. — Я умею разговаривать.

Они сели за стол. Два часа. Алиса слушала, записывала, спрашивала. Тамара Ильинична говорила ровно, без пауз, как идёт поезд по прямой:

— Завтра вы подписываете приказ: плановый аудит расчётов с контрагентами. Рутинное. По графику. Никто не знает, что «Данилов Проект» будет заморожен. Контракты — на паузу. Клиенты — «техническая перенастройка». Паша — не в теме, он узнает из приказа. Через него — Крис. Крис — Денис. Денис — деньги. Деньги — это то, что они считают быстрее, чем чувства.

— А если он придёт ко мне?

— Придёт. Сядет. Скажет что-то. Не дайте ему слова.

— А если он скажет, что я «сошла с ума»?

— Пусть скажет. Вы — совладатель. Вы имеете право на аудит. Он — директор. У него нет права вето.

Алиса пила остывший кофе.

— Тамара Ильинична. Одно. Если будет нужно — если будет надо по-твёрже — ...

— Мне не нужно по-твёрже. Мне нужно, чтобы вы не стали плакать в момент, когда я говорю цифру. Я не умею работать с плачущими.

— Я не плачу.

— Пока.

Алиса посмотрела на неё.

— Пока, — согласилась Алиса.

Потом — добавила:

— Тамара Ильинична.

— Да?

— Я не плачу.

— Я знаю.

— Я просто...

— Что?

— Я не плачу.

— Вы не плачете.

— А вы не работаете с плачущими.

— Я не работаю с плачущими «в момент, когда я говорю цифру».

— А в другие моменты?

— В другие моменты — чай.

Алиса отпила остывший чай.

— Чай.

— Чай.

В шесть вечера она уехала в студию, достала из сейфа тетрадь бабушки и прочитала третью страницу. «Правило 3. Не показывай, что кровоточишь. Тот, кто видит рану, решает, куда тебе больно.» Алиса закрыла тетрадь. В восемь двадцать она позвонила Виктору Петровичу.

— Виктор Петрович. Завтра с утра: плановый аудит расчётов с контрагентами. Приказ подписан. «Данилов Проект» — в первую очередь.

Тишина в трубке.

— Алиса...

— Завтра в десять. Приказ у вас на столе. Подпишите.

— Алиса, я...

— Виктор Петрович. Вы не выбираете. Вы считаете. Вы — пчёлы, грядки, студия. И студия сейчас без защиты. Вы мне поможете её защитить?

Снова тишина. Длинная. Потом:

— Помогу.

— Спасибо.

— Алиса.

— Да?

— Берегите себя.

Она повесила трубку. В десять вечера Паша позвонил. Голос хрипел — ветер, дождь, он говорил откуда-то с улицы.

— Золотая. Я в такси, еду в отель. Как твой день?

— Хорошо.

— А?

— Хорошо, Паша. А ты?

— Усталый. Хороший. — Пауза. — Слушай, я тут подумал. Двенадцатого. Может, уедем? Куда-нибудь. Не далеко. Просто — вдвоём.

— Звучит хорошо.

— Хорошо?

— Очень.

— Тогда я буду думать. А ты — отдыхать. Ты у меня на работе с утра до ночи, а я... — он помолчал, — я не успеваю тебя увидеть.

Алиса смотрела в окно. За окном был Петербург, и дождь, и свет.

— Я тоже, — сказала она. — Не успеваю.

— Спи, золотая.

— И ты.

Она легла. Загорелся телефон. Экран. Новое сообщение. От Павла. «Спи. Люблю. — П.» Алиса посмотрела на это сообщение. Посмотрела долго. Потом она открыла камеру, сфотографировала свой экран — «Спи. Люблю. — П.», — и сохранила в папку, которую назвала: «Факты». Папка была пустая. Теперь в ней было первое фото. Имя папки: «Факты».

Не «Чувства». Не «Мысли». Не «Боль». «Факты». Потому что факт — это то, что утром открывается. И то, что вечером «ставится на стол». И то, что ночью не плачет. Алиса выключила свет. И, впервые за ночь, почувствовала: игра — началась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.